

The background of the entire page is a dense, intricate pattern of swirling, flame-like or leaf-like shapes in various shades of red, from deep maroon to bright, almost white-red highlights. The pattern is highly detailed and fills the entire frame.

Зал ожидания

Кирова Таиска

Таиска Кирова

Зал ожидания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69405568

SelfPub; 2023

Аннотация

Мы живем и не живем. Как мы здесь оказались, когда покинем это место, никто не знает. Перед нами мелькает череда чужих жизней, как фантастический каледоскоп.

Содержание

Пролог	5
1. Долина великих камней	7
2. Эпизод первый: трагическая случайность	14
3. Вера	19
4. Эпизод тридцать четвертый: понедельник – день тяжелый	26
5. Один	31
Эпилог	34

Таиска Кирова

Зал ожидания

Знаешь, в чем твоя проблема?

Ты совсем не умеешь ждать.

Вера

Пролог

Я раздвинул кусты высокой амброзии и шагнул в узкий проход между гаражами. Здесь меня и настиг душераздирающий крик. Я в испуге оглянулся – где-то позади в соседнем переулке кричала женщина. Именно оттуда, из-за угла дома выскочил рыжий комок шерсти и помчался в мою сторону. Он едва не сшиб меня с ног, но в последнее мгновение среагировал и ловко обогнул неожиданное препятствие по короткой дуге. Прежде чем скрыться в траве, кот притормозил и обернулся, презрительно смерив меня единственным взглядом. На месте второго было кровавое месиво. Признаюсь, мне стало немного не по себе, хотя, то, что я задумал, и так холодило мой затылок с завидным постоянством. Я неуверенно двинулся следом за котом, напряженный, готовый немедленно уйти, если окажется, что место, которое я присмотрел, уже занято кем-то другим. На мою беду, пространство между гаражами, заваленное мусором, было таким ужасным, что даже бродяги старались его избегать. Попав сюда в первый раз, я подумал, что это и есть, то самое, что занимало мои мысли уже целую неделю. Наш городишко слишком мал, и я не хотел, чтобы меня сразу нашли после того как я..., гм... В общем, тогда я просидел здесь целый день, и никто не нарушил мое одиночество.

Я остановился, снял с плеча рюкзак и осмотрелся. Рыжего

кота нигде не было видно. Это хорошо, никаких свидетелей, все так, как и задумано. Достав веревку, бросил рюкзак под ноги и вытащил из кармана конверт. Честно говоря, я колебался, поскольку и сам толком не знал, почему это делаю, но решил, что так положено в подобных случаях. Именно поэтому я положил конверт поверх рюкзака и придавил его обломком кирпича. Затем подошел к стене, возле которой стоял трехногий стул с поломанной спинкой. На крыше гаража находился железный крюк, куда я привязал веревку с приготовленной петлей. Наверное, вы уже поняли, что я собрался сделать. Мне хватило четырнадцати лет, чтобы понять, что жизнь – слишком скучная книга, чтобы продолжать ее читать. Я сунул голову в петлю, затянул узел и оттолкнул стул. Последнее, что запомнил – мучительное чувство в сдавленной шее и теплую реку, хлынувшую по ногам.

1. Долина великих камней

Когда я открыл глаза, то увидел бесконечное небо и одинокий солнечный диск, повисший над горизонтом. Я лежал на чем-то мягком, раскинув руки в стороны, и медленно приходил в себя. В глубинах сознания как сонные рыбы плавали вопросы. Что случилось, почему я еще жив? Может, веревка не выдержала и оборвалась? Но гаражи вокруг исчезли... А может я все же умер и попал на небеса; вот только шею нещадно саднит, да и руки затекли.

Я с трудом сел и со стоном закрыл глаза, мир закружился вокруг в бешеном танце, а к горлу подкатил тошнотворный комок, который я попытался усмирить. И когда мне это удалось, я вновь принялся рассматривать то место, где оказался волею неизвестных сил. Отмечу, что пейзаж выглядел довольно однообразным – до самого горизонта расстилалась равнина, покрытая одинаковой травой, как большой газон, ни кустов, ни деревьев. Никакого жилища на многие километры, и непонятно, кто принес меня сюда и зачем. Странное солнце, на которое можно было смотреть, не щурясь и отсутствие всякого запаха. Негромкий голос за спиной прозвучал так неожиданно, что я подпрыгнул на месте от испуга. Только что здесь никого не было, а теперь в метре от меня появилась старушка. Совсем небольшого росточка (если я встану, буду даже выше, чем она) чуть сгорбленная и

вся такая миниатюрная, словно за долгие годы она постепенно усохла до кукольных размеров. Голову ее венчала огромная шляпа, пожалуй, самая необычная, из тех, что мне доводилось видеть в моей недолгой жизни. Кроме разноцветных ленточек на шляпе присутствовали перья, блестящие камешки и даже чучело канарейки. Оставалось удивляться, как тощая шея старушки до сих пор не сломалась от напряжения.

– Ну-с, юноша, и зачем Вам понадобилось менять ход вещей?

Я опешил и растерянно молчал, пока меня не осенило:

– Вы – смерть? Ну, конечно же, Вы – смерть. Я умер и ...

– Что за вздор, – фыркнула она, – большей нелепицы нельзя и придумать. Я совсем на нее не похожа. К тому же, с чего это Вы взяли, что смерть непременно должна явиться к Вам собственной персоной?

– Ну, как же, ведь я, это, веревкой, – я замолчал, слишком смущенный.

Еще никто никогда со мной так не разговаривал. В новой школе я был изгоем, которого в лучшем случае просто не замечали, дома мама все время смотрела сквозь меня, слишком занятая собственными мыслями, а отец, после того, как ушел от нас, заимел привычку обращаться ко мне – «братец» в те редкие дни, когда мы с ним виделись. И я не знаю, что было хуже – пустые глаза матери или это его заискивающее «братец».

Старушка ткнула в меня зонтиком (я забыл сказать, что в

руке у нее был зонтик, но не совсем обычный, а кружевной, наверное, от солнца) и нахмурилась:

– Вы не должны были этого делать, молодой человек. Вашего имени нет в списке, и смерть не может придти к Вам в этот день.

Я растерялся и не понимал, о чем она вообще говорит.

– Ну, хорошо, – терпеливо продолжила она, – начнем с другого бока. Я – Серафина, слежу за порядком в долине Великих камней. И ...

– В долине чего? – невежливо перебил я ее.

– Когда на Земле заканчивается день, в долине Великих камней вырастает новый камень, а на нем начертаны имена всех умерших в этот день, – старушка нравоучительно подняла указательный палец к небу, – так вот, иногда бывают недовольные вроде Вас, мой юный друг, которые стремятся вписать свое имя на чужой камень, и получается хаос. А хаос может разрушить всю систему. Вот скажите мне, что с Вами теперь делать?

Я неуверенно пожал плечами. Она и не ждала ответа, потому что продолжала рассуждать:

– Вернуть в жизнь я Вас не могу, поскольку Вы себя вычеркнули из списка живых, но и в списке на Великом камне Вас тоже нет.

– А может Вы плохо посмотрели? – робко начал я и умолк, когда Серафина аж подпрыгнула от переполнявшего ее возмущения:

– Что? Я плохо посмотрела? Я? А ну, идем со мной, и ты убедишься, юный скептик, как хорошо я умею смотреть.

Негодование ее было неподдельно и так велико, что она сама не заметила, как сменила высокопарное обращение «Вы» на более дружеское и простое «ты», что меня только порадовало. Старушка повернулась к солнцу и, подобрав пышные юбки, засеменила прочь, даже не обернувшись, чтобы проверить – иду я за ней или нет. Не сомневайтесь, я не остался на месте, ведь это было настоящее приключение, это было то, чего в обычной жизни со мной никогда не случилось... и не случится. Я догнал Серафину и пошел рядом, изнывая от любопытства. Во все стороны, куда ни посмотрю, далекий горизонт, окутанный голубоватой дымкой, плавно переходил в бледно-лиловое небо, и никакой долины Великих камней не наблюдалось. Именно поэтому я решился спросить:

– А где она, эта долина?

– У тебя под ногами, – сухо ответила моя спутница. – Не отвлекай, а то никогда не найдем нужное место.

Это было нелогично. Вокруг, я не видел ни одного камня, но, судя по тому, что сказала старушка, здесь их должно быть очень много. Это же надо – каждый день новый камень.

Я открыл рот, потому что не мог больше сдерживать неумное любопытство. Вопросы, роящиеся в голове, требовали свободы. Но сказать ничего не успел, потому что Серафина резко остановилась. Шагах в десяти от нас, воз-

дух неожиданно сгустился, затрепетал и сформировал легкие прозрачные контуры огромной стены. Моя проводница двинулась вперед, и я за ней – стена потемнела, обретая плотность и мощь. Еще шаг, за ним – другой, и вот перед нами огромная глыба черного гранита. Макушка ее уходила высоко в небо, а края далеко разбежались в разные стороны, и, так как мы стояли слишком близко от Великого камня, то не могли видеть, где этот камень заканчивался. Но повсюду, куда хватало глаз, по камню вились надписи, состоящие из ровных аккуратных букв – имен мужчин и женщин, которых объединяло только одно – день смерти. Я, конечно, не претендую на роль всезнайки, но готов поспорить, ни один человек в мире не смог бы прочесть все, что было там написано. Именно это я и сказал своей спутнице. Она улыбнулась:

– Но, ведь я-то не человек и никогда не была человеком.

– А кто же Вы? – робко спросил я.

– Я – та, которая помнит все имена. Если у тебя есть еще вопросы ко мне, спрашивай быстрее, и займемся делом. Но учти, что можешь задать всего два вопроса.

– Ну, хорошо, как Вы умудряетесь читать надписи на самом верху? – это был не самый важный вопрос, но я все равно спросил.

Вместо ответа она хлопнула в ладоши и наклонила голову, загородившись от меня своей чудной шляпой. Лишь через секунду я понял, что старушка так поступила, чтобы я лучше видел, как ее чучело канарейки расправляет крылья

и готовится взлететь.

Мы стояли, задрвав головы, очень долго, прежде чем канарейка вернулась назад. Она уселась на плечо своей хозяйки и защебетала на ухо. Для меня это были бессмысленные звуки, но Серафина, видимо понимала, потому что кивала и хмурилась все больше и больше. Наконец, старушка осторожно пересадила маленькую птичку на шляпу, где та застыла в неподвижности.

Пока мы ждали канарейку, я размышлял о втором вопросе, но так ничего и не смог придумать. Конечно, вопросов у меня было множество: что это за место и где оно находится; как так получается, что несметное количество камней уместается в долине; есть ли здесь другие люди, и, если есть, то где они; что я буду делать дальше и, наконец, когда вырастет мой камень? Я понимал, что даже если получу ответы на все эти вопросы, то все равно возникнут новые, которые будут терзать меня как пчелы медведя, забредшего на пасеку. С другой стороны, если я немного потерплю, осмотрюсь здесь, то наверняка найду ответы сам на многие интересующие меня события. Поэтому я решил отложить последнюю попытку на потом, о чем и сообщил Серафине. Она пожалала плечами и повернулась к граниту.

– Иди сюда, посмотри, – она ласково погладила твердую поверхность. Под ее пальцами буквы таинственно мерцали серебром. И лишь одно имя было ярко красным как угли ночного костра.

– Все они умерли, – Серафина задумчиво продолжала. – Как дерево роняет свои листья, так и жизнь теряет своих адептов. Да-да, именно адептов, ибо большинство из них вообще не хотели умирать. Я открою тебе один секрет: каждый, кто умер, может попросить у смерти отсрочку и иногда такая возможность ему предоставляется. Вот тут за дело берутся те, кто подобно тебе, добровольно отказались от права на жизнь. Видишь это имя?

Серафина дотронулась до красных букв, отчего те ярко вспыхнули и задрожали. Казалось, что твердый гранит плавится под воздействием высокой температуры. Но Серафина не отдернула руку, значит, жар таился лишь в моем воображении.

– Она получила возможность вернуться в свою жизнь, и для этого ты отправишься назад на Землю и проживешь последний день за нее. Если тебе удастся избежать смерти, то ее имя исчезнет с камня, и я смогу вписать твое на освободившееся место.

Ну, вот, теперь я знал, что буду делать в этом странном мире.

2.Эпизод первый: трагическая случайность

Анна проснулась с первыми лучами солнца. Она не знала, что разбудило ее в столь ранний час. Быть может, тревожный сон или прикосновение спящей рядом дочери заставили ее открыть глаза. Беспокойство, овладевшее ее существом несколько дней назад, никуда не исчезло. Анна постаралась отыскать причины своего измененного состояния и не смогла. Все было в порядке, как всегда. Но смутная тревога не отступила. По дороге на работу она продолжала вслушиваться в себя, не обращая внимания на пейзаж за окном автобуса, и чуть не проехала нужную остановку. И хотя в запасе у нее оставалась масса времени, по улице Анна шагала широким некрасивым шагом, ссутулив плечи и опустив голову. Лишь в окружении книг она немного успокоилась и перевела дух. День обещал быть жарким и неспешным. Что поделаешь – скоро лето. Основная масса читателей рассредоточилась по дачным участкам. Она прошла вдоль полок, поправляя криво стоящие книги, любовно поглаживая истершиеся корешки, такие знакомые и родные. Анна любила свою работу, да и кто, скажите на милость, за столь мизерное жалование будет служить в подобном месте среди пыльных полок, шелеста перелистываемых страниц и тихих разговоров, как

не истинный приверженец печатного слова. Здесь, в полумраке полуподвального книгохранилища прошла ее юность, бесследно растворилась в бесконечных рядах мудрых книг. Анна не жалела о прошлом, не сокрушалась о том, что так и не завела семью. Некрасивая от природы, она и в молодости не привлекала мужчин, а к сорока годам и вовсе выцвела, как старая бумага, но это мало ее заботило. Ведь у нее была дочь. Анна делилась с ней своими переживаниями, а та всегда кивала в ответ:

– Да, мама. Хорошо, мама. Я тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю, мое сокровище, – умилялась Анна и целовала ее снова и снова.

При мысли о дочери на сердце у нее потеплело, и она забыла о ночных страхах.

День тянулся как ленивый кот, солнце нахально заглядывало в окна, просовывало лучи сквозь прикрытые шторы. Когда Анна поднимала голову от стола, она видела, как в воздухе танцуют пылинки, вспыхивают золотыми искорками и тут же гаснут. От нагретых полок исходил особый ни с чем несравнимый запах бумаги и типографской краски, коленкора и старого бумажного клея. Анна впадала в дремотное состояние, роняла голову на руки, лежащие на столе, и лишь шаги редких посетителей выдергивали ее из этого сумеречного состояния, где сознание балансирует на грани яви и сна.

Ближе к вечеру случился дождь, пробежал как озорной мальчишка по пыльным улицам, освежил молодую листву и

исчез в городской суете. Анна медленно шла по тротуару, полной грудью вдыхая обновленный воздух. Не смотря на то, что дочь ждала ее дома, она совсем не торопилась вернуться в привычный уют квартиры. Женщина сокрушалась, что опять не заметила, как на деревьях выросли листья. Кажется, что еще вчера деревья стыдливо качали голыми ветвями, а сегодня уже щеголяют пышными кронами. Как будто Анна выпала из жизни и потеряла несколько дней.

Улица была пуста, вероятно, дождь, этот босоногий проказник, распугал не только молодых мамочек с колясками, но и прозорливых старух, в изобилии гнездящихся на лавочках во дворах и знающих все на свете. Конечно, они непременно вернуться, но чуть позже, когда в окнах домов загорятся первые огни и сумерки сгладят резкие вечерние тени. А пока Анна наслаждалась прогулкой и не подозревала, что часы ее жизни отсчитывают последние секунды.

Он возник ниоткуда, исподтишка. Выпрыгнул как чертик из табакерки. Анна не поняла, то ли он сидел на скамейке под пышным кустом сирени, то ли выскользнул из темного подъезда. Высокий, худой и взъерошенный, он, беспокойно оглядываясь, шагнул к ней и поднял руки. А затем осторожно, почти нежно прикоснулся к ее шее и притянул к себе. Женщина заметила, что его глаза наполнены тьмой и лихорадочно блестят, а руки мелко подрагивают, словно он не в силах совладать с собой. Собственно говоря, так оно и было. Наркоман, подгоняемый внутренним огнем, жаждал спасе-

ния, пусть даже ценой чьей-то жизни.

– А ну, гони сумку, сука, – прошипел он и встряхнул ее, словно куклу.

Анна вцепилась в его запястья и пыталась разжать руки. Голоса не было, как и воздуха в легких, чтобы объяснить ему, что у женщины нет ничего ценного. Она и рада отдать ему все: кошелек с парой мятых десятков и горстью мелочи, старый складной зонт, дешевую розовую помаду и маленькую плитку шоколада, которую она приберегла для дочери. Противостояние не могло длиться долго и непременно закончилось не в пользу испуганной женщины. Анна покачнулась, теряя сознание, и в этот момент нападавший не только разжал руки, но и с силой толкнул женщину в грудь, одновременно срывая с плеча сумку. Она упала, и острая боль пронзила ее затылок. Но еще острее была мысль о дочери, запертой в пустой квартире.

Я вернулся в свое тело, скорченное у стены. Серафина терпеливо сидела рядом. Имя, прежде пылавшее яростным огнем, теперь ничем не отличалось от остальных.

– Жаль, – вздохнула старушка, – это была ее последняя попытка.

Я мелко дрожал и никак не мог успокоиться. Мысли Анны все еще цеплялись за меня, толкали в бездну отчаянья. Я страстно хотел жить, жить, во что бы то ни стало, и несмотря ни на что.

Серафина положила ладонь мне на затылок, и я сразу

успокоился.

– Ничего, для первого раза неплохо.

Она тяжело поднялась и пошла прочь. Я растерянно смотрел ей вслед. Примерно в десяти шагах от меня фигура ее побледнела, сделалась полупрозрачной и почти исчезла, но, внезапно, она обернулась и крикнула мне:

– Красные имена всегда стремятся вниз. Нужно просто дотронуться, как только будешь готов.

Она ушла, а я побрел вдоль стены и почти сразу увидел новое имя. Вот только одна проблема заботила меня. Я боялся жить и решать за других. Но иного пути не существовало, я должен был заслужить право на смерть.

3. Вера

Задача оказалась не из легких, едва я перевоплощался, как напрочь забывал о своей миссии и просто проживал последний день, неизменно заканчивающийся смертью. Возвращаясь к стене, я, смутно помнил чужие жизни по осколкам мыслей, которые всегда застревали в моей голове. И лишь процесс умирания помнил отчетливо. Я тонул, горел в огне и угасал на больничной койке, несколько раз меня убивали враги и друзья, я подрывался на mine и падал с нераскрывшимся парашютом, меня рвали собаки, и мучила нестерпимая жажда. Иногда приходила Серафина и сидела возле меня, но чаще я оставался один на один с чужой трагедией, которая в итоге становилась моей частью.

Однажды мне все это надоело. Я повернулся к стене спиной и побрел, куда глаза глядят. Я не оборачивался, пока не насчитал пятьдесят шагов. Естественно, стена исчезла. Прежде я боялся отойти от нее, так как предполагал, что не смогу самостоятельно отыскать ее вновь, но теперь мне было все равно. Именно тогда я и встретил Веру. Я брел среди бескрайнего океана травы, одинокий и потерянный, когда впереди появилась зыбкая тень. По мере моего приближения, она уплотнилась и обрела более четкие контуры. Девочка сидела на траве спиной ко мне, читала книгу и даже не обернулась, когда я негромко кашлянул, пытаясь привлечь

ее внимание. Я и сам любил читать, поэтому несколько не удивился, что меня не замечают, вероятно, книга была очень интересной, вот, только где она ее взяла?

Девочка, наконец, оторвалась от чтения и резко вскочила:

– Ой, привет, ты кто?

– Миша, – ответил я.

Она критически осмотрела меня с головы до ног и кивнула:

– Ясно. А я Вера, – и протянула ладонь для рукопожатия.

Рука у нее оказалась холодной и сухой, а рукопожатие неожиданно сильным. Признаюсь, в тот момент я больше разглядывал книгу, упавшую на траву, чем ее хозяйку. Судя по обложке, это был «Таинственный остров» и я, разумеется, поинтересовался:

– Откуда она у тебя?

Девочка, непонимающе, проследила за моим взглядом и сказала:

– А, книга? Из воспоминаний.

– Как это? – я, наконец, оторвался от созерцания и взглянул на собеседницу.

Вера вполне могла учиться со мной в одном классе. То есть внешность ее была самой обыкновенной – тощие косички и мелкие прыщи на лбу – таких обычно не замечают, поскольку их затмевают либо яркие модницы, либо их уродливые подруги.

– Ты, что, задавал не те вопросы Серафине? – ответила

она вопросом на вопрос.

Но я не обиделся, кажется, я нашел того, кто мне поможет разобраться во многих вещах.

Я пожал плечами и улыбнулся. Вот только Вера все еще смотрела на меня не очень дружелюбно, словно надеялась, что я оставлю ее в покое.

– Ну, хорошо, идем, я покажу тебе.

Она взяла меня за руку и пошла вперед, даже не потрудившись подобрать книгу. Не прошло и пяти минут, как мы нашли в траве еще одну, точно такую же. Я, молча, поднял знакомый том и перелистал страницы. Примерно до середины книги шел текст, а дальше страницы были пусты.

– Извини, в жизни я ее так и не дочитала, – она махнула рукой.

Я ничего не понял и попросил Веру рассказать подробнее о приютившем нас мире.

– Это долина Великих камней, – она сделала паузу, будто собиралась с мыслями, и продолжила, – и здесь свои законы. Здесь есть все, что только ты сможешь себе вообразить, все, что есть в твоих воспоминаниях, но оно до поры скрыто от глаз. Как бы, не существует, иначе говоря, пока тебе не требуется, этого нет, чтобы зря не занимать место. Например, я хочу себе мяч, я представляю, какого он цвета и размера, точнее, вспоминаю свой старый, который был у меня в детстве. Затем я поворачиваюсь в сторону солнца и иду, думая о мяче. Чем ярче и точнее образ в голове, тем быстрее я на-

хожу мяч на самом деле. Вот и все.

Я задумался. Ну, конечно, это объясняет, почему в долине Великих камней так пустынно. Я не вижу никаких камней, потому что их нет в моих воспоминаниях. Вот для чего нужна Серафина – она проводник.

– Можно, я попробую? – я обратился к своей собеседнице.

Вера кивнула и пошла за мной. Конечно, мне понадобилось больше времени, чем ей, но результат превзошел все ожидания. «Таинственный остров» с начальной главы и до последней страницы. Я гордо протянул том Вере, она взяла книгу и впервые мне улыбнулась, тепло и сердечно. Так мы стали друзьями.

Еще одно свойство долины, о котором я уже упоминал – могло помешать нашей дружбе. Стоило Вере отойти от меня шагов на десять, как ее силуэт начинал растворяться, таять в воздухе, как будто на нее набрасывали невидимое покрывало. Это было весьма странно – горизонт просматривался на многие километры вокруг, и в то же время я мог видеть только то, что находилось у меня под носом. Мы решили эту проблему – просто не расходились далеко. Вместе гуляли, ходили в кино. Да-да, вы не ослышались, а почему бы и нет? Конечно, кинотеатр у нас выглядел не совсем обычно – посреди бескрайней равнины два кресла и экран, зависший в воздухе, но фильмы там шли самые настоящие. Правда, без некоторых трудностей не обошлось. В первый раз мы пошли на фильм, который видели оба, поэтому и я, и Вера имели

воспоминания о нем. Что творилось на экране... Актеры постоянно сбивались и переигрывали сцены по два раза, отчего знакомый фильм показался затянутым и нелепым. Но мы справились и с этой задачей. Если Вера приглашала меня в кино, мы смотрели то, что помнила она и наоборот, другими словами наш репертуар составляли, либо мелодрамы, либо боевики.

Здесь не было смены дня и ночи, даже светило, аналог земного солнца не двигалось с места, мы словно и не жили – не нуждались в воде и пище, никогда не спали. И в то же время, мы не были мертвы. Просто ждали перемен. Каких-нибудь. Но вокруг были одни воспоминания, все время, нет, все безвременье – одни и те же. В конце концов, нам это надоело.

И мы вернулись к стене, чтобы позаимствовать память у тех, чьи имена багрово пламенели в ожидании чуда.

На эту идею нас натолкнуло одно событие. Однажды, я вспоминал свой дом. Не весь, конечно, а только ту комнату, где я жил перед тем, как попасть сюда. Когда воспоминания окончательно сформировались и возникли перед нами, мы с Верой увидели странное помещение. Проявилась только одна стена, у которой стоял небольшой диванчик, буро-сиреневый, с вытертыми подлокотниками. На нем сидела кукла в пышном платье с фарфоровым личиком и ярко-синими нарисованными глазами. Рядом с диваном находился старинный комод. Его ящики были выдвинуты и под завязку наби-

ты маленькими шоколадками.

– Я знаю это место! – воскликнула Вера. – Здесь живет Анна. Вернее, жила...

Я удивился:

– Ты тоже была ею? Когда? Впрочем, это не важно, – я перевел разговор, потому что Вера напряглась.

Разговоры о смерти у нас под запретом, мы никогда не обсуждали тех, кого должны были спасти.

– Серафима говорила мне, что можно воплощать только свои воспоминания, а это значит...,

– она замолкла.

– Это значит, что воспоминания Анны стали моими, – закончил я. – Мы не только умираем за других, мы еще получаем их знания.

– Ух, ты, – присвистнула Вера, – вот это школа!

Я засмеялся:

– Только каждый урок заканчивается не переменой, а смертью.

Она не поддержала мою шутку, даже не улыбнулась.

Как вы уже, наверное, поняли, Великий камень был у нас общим, поэтому, как только мы с Верой нашли его, то просто бросили монетку – и разбрелись в разные стороны.

Когда я заметил очередное имя, Веры уже не было видно, но я не переживал, поскольку знал, что смогу отыскать ее вновь. Я прикоснулся к камню и закрыл глаза. Имя под пальцами пульсировало, медленно наливаясь жаром, который пе-

ретекал в ладонь, струился по руке и дальше, захватывая все тело целиком. Ноги подкосились, и я медленно сел в траву, наконец, оторвавшись от камня.

4. Эпизод тридцать четвертый: понедельник – день тяжелый

Будильник звонил, не умолкая. Павел открыл глаза и медленно сел, спустив ноги на пол. Он пошарил рукой под подушкой, извлек оттуда сигареты и закурил, глубоко затягиваясь и прислушиваясь к себе. Головная боль никуда не делась, а легкая тошнота усиливалась, стоило ему наклониться. Он подумал, что если ад существует, то там всегда понедельник и швырнул пачку в источник шума. Будильник упал, но продолжал звонить и мелко подрагивать на подоконнике. Павел встал, ему пришлось, и в квартире наступила долгожданная тишина. В приоткрытое окно подул легкий ветерок, принесший с собой запахи майского утра. Павел закрыл окно и вернулся в постель. А не послать ли все к чертям собачьим, накрыться одеялом и продолжить прерванный сон, пока организм не придет в норму? Или, еще лучше, спуститься на первый этаж к Марье Ивановне, у нее всегда есть средство от всех болезней. Нет, никак нельзя. Он с сожалением помотал головой, от чего комната потеряла устойчивость и заплясала перед глазами. Павел зажмурился, переждал бурю в желудке и осторожно натянул штаны. Пока он умывался и пытался побриться, мысли упорно подбрасывали ему разные методы излечения, начиная от настоек соседки и заканчивая

круглосуточным магазинчиком в его же доме, но Павел преодолел соблазн и продолжил одеваться. Ему надо на работу, а хочется выпить. Это внутреннее противоречие терзало его каждый понедельник, и каждый раз Павел испытывал нечеловеческие муки. Должно быть, витязь на распутье мог переживать подобные разногласия души и тела. Павел скользнул взглядом по дешевой репродукции над кроватью и поморщился. Нет, этот наверняка не знает ничего подобного. Долг, наконец, одержал победу, и мужчина вышел из квартиры. Он не любил свою работу, скорее наоборот – Павел часто думал, что когда он умрет, то ему придется вечно работать в наказание за никчемную жизнь и это будет его личный ад. Но еще чаще ему казалось, что он уже умер и просто этого не заметил. Философия, однако, грозившая перерасти в полнейшее равнодушие со всеми вытекающими последствиями.

На улице Павлу стало немного легче. Солнце только-только переползло через край горизонта и еще не обрело полуденную силу и мощь. Быть может, бросить все это и начать новую жизнь? А что, как говорят, с чистого листа, уехать в другой город, ведь он не связан семьей – один как перст. Или податься на Север за длинным рублем? Не-е-е-т. Ничего не получится, от себя не убежишь, скорее белка в колесе догонит свой зад. Мужчина не заметил, как дошел до остановки, где скоро сел в служебный автобус, идущий в промышленную зону, расположенную в пригороде.

Чтобы преодолеть проходную, он мобилизовал все остав-

шие силы. По понедельникам марш-бросок мимо охраны превращался в давно изученный ритуал, где не последнюю роль играли мятные леденцы и четкий размеренный шаг. Тот факт, что Павел был не очень брит, а точнее наоборот – очень не брит, никого не смущал, поскольку, он ничем не выделялся из толпы себе подобных неудачников. В длинной галерее, соединяющей цех с мужской раздевалкой, ему впервые за это утро стало настолько плохо, что он остановился и присел на корточки, прислонившись спиной к стене. Мимо шли люди, косились на Павла, но не останавливались, поскольку были едва знакомы с ним и лишь один подошел и спросил:

– Пашок, ты чего?

Павел поднял побелевшее лицо, разжал зубы и с трудом прошептал:

– Все хорошо, ты иди, я сейчас, только отдышусь.

Пот крупными каплями усеял его лоб. Павел глубоко вздохнул и вместе с воздухом, отдающим резиной, в его легкие хлынула боль, вонзилась острыми иглами и парализовала дыхание. Мужчина закрыл глаза и начал заваливаться набок. Его тормозили, били по лицу. Павел попытался оттолкнуть нападавших и не смог. Он хотел, чтобы его оставили в покое, ведь боль, наконец, отступила, оставив после себя приятную тяжесть. Павел плыл, слегка покачиваясь и проваливаясь в сон. А вся эта суeta вокруг только мешала и раздражала, сбивала с мыслей. Он загадал, что если доживет

до вечера, то, скорее всего и даже наверняка, бросит пить и умер.

Я долго сидел у стены. Сказать, что эта смерть потрясла меня? Вовсе нет. Я не понимал, почему таким ничемным людям судьба предоставляла еще один шанс. Вокруг было множество людей, более достойных во всех отношениях. Полусумасшедшая Анна ничего не могла предложить миру взамен своего блеклого существования. Павел, отмеряющий свою жизнь стаканами, никак не годился на роль супергероя. И тем не менее – они получили право продолжать.

Несмотря на то, что мой урок не принес почти никаких воспоминаний, я вернулся к Вере и нашел ее в еще более плачевном состоянии. Она сидела, обхватив колени, глядела в пространство отрешенным взглядом и никак не отреагировала на мое появление. Я опустился рядом:

– Что, настолько плохо?

Она медленно повернула голову ко мне и спросила:

– Как я могу избежать смерти в падающем самолете?

Я пожал плечами:

– Ну, не знаю, может, тебе не надо было садиться в него?

– Нет, – она всхлипнула, – когда я открыла глаза, мы уже летели. Рядом сидела мама и держала меня за руку. Я видела, что она очень боится, но не понимала причины. Она все время твердила, что все будет хорошо. Сиденья под нами тряслись, а люди вокруг кричали. Мама закрыла мне уши и наклонилась на до мной. Что я могла сделать?

– Не знаю, – я виновато опустил голову, – может, спросим у Серафины?

– Она теперь ко мне не приходит, – печально покачала головой Вера. – Да и, вопросы я уже все потратила. Миша, не хочу больше умирать и никогда не хотела по-настоящему.

– Но, Серафина сказала, что сюда попадают...

– Да знаю, – перебила она, – все верно, и тем не менее, я никогда не думала, что мой порыв будет иметь такие последствия.

– Ну, давай уйдем отсюда, – я ободряюще ей улыбнулся и встал, – будем жить, как жили.

– Нет, невозможно жить одними воспоминаниями, – Вера махнула рукой. – Знаешь, ты иди, я тебя догоню.

5. Один

И я ушел. А Вера так и не вернулась. Я, конечно, искал ее, возвратился к стене и долго шел вдоль громадного монолита сначала в одну сторону, а затем обратно. Только теперь я понял, кем для меня стала эта девочка. Настоящим другом, именно таким, которого можно искать всю жизнь, но так никогда и не встретить. Я не должен был оставлять ее одну, о чем горько сожалел. К тому моменту, когда Серафина в очередной раз пришла навестить меня, я немного успокоился, но с потерей не смирился. Более того, я знал, каким будет мой последний вопрос.

Серафина казалась еще более высохшей и старой. Она медленно шла по траве, опираясь на зонтик, а я сидел под стеной и ждал, ничем не выказывая своего нетерпения. Когда она приблизилась, я поднялся на ноги в знак уважения и слегка склонил голову.

– Вижу, ты нашел свой вопрос, – промолвила Серафина.

Я молча кивнул.

– Что ж, должна предупредить, что мы больше не увидимся, поэтому воспользуйся последней возможностью разумно.

– Здесь была девочка по имени Вера, – начал я и запнулся. Я вдруг испугался, что в долине могла быть не одна девочка с таким именем.

– Она такая, чуть пониже меня, в красной футболке и

серой юбке, немного неуклюжая – все время спотыкается, словно спит на ходу. А еще у нее веснушки и . . .

– Да-да, я знаю эту девочку, – перебила она меня, – она нашла свое место на камне.

– Что? Она умерла? Нет-нет, не отвечайте. Я и так знаю, что умерла, вернее, я догадывался.

А слова Серафины подтвердили мои худшие опасения.

– Так что ты хотел спросить? – старушка пристально смотрела мне в лицо.

И я решился:

– Ее имя на камне, какого оно цвета?

– Оно пылает ярче солнца и дрожит от нетерпения, которое заставляет его стремиться вниз. Но пройдет еще много времени, прежде чем первые руки смогут коснуться его. Я ответила на твой вопрос и теперь ухожу.

Серафина отвернулась и пошла прочь. В отчаянии я закричал ей вслед:

– Постойте, где ее искать?

Но она лишь покачала головой и продолжала идти дальше. А я и не пытался ей помешать. Зачем? В этом мире время существовало только для нее, я же смогу дождаться Веру и найду ее имя среди тысяч других. Кстати, я, кажется, понял, почему второй шанс получали в основном неудачники, не сумевшие устроить свою жизнь. Им давалась возможность все исправить, в которой они так нуждались. И если Вера хочет начать все сначала, я просто обязан ей помочь.

Пожалуй, я мог бы на этом, и закончить рассказ, ибо описание моего существования без Веры скучно и не представляет интереса. Бесконечные блуждания вдоль стены кого угодно выведут из равновесия. Но не меня, ведь где кончатся терпение, там начинается привычка. А еще, я, наверное, ее нашел, правда, пока не могу дотянуться. Но я дождусь, ведь осталось совсем немного. Я обязательно дождусь.

Эпилог

Безусловно, она сошла с ума, раз решилась ему написать. Это была первая мысль, что пришла ей в голову после пробуждения. Сейчас, когда солнечный луч крался к ней по подушке, девочка уже сожалела о своем порыве. Он был ее одноклассником, высокий, красивый мальчик, с необычайно смуглой кожей. Целых полгода она исподтишка наблюдала за ним, бросая косые взгляды, все время держала его в поле зрения, пока легкая симпатия не переросла в одержимость. Они никогда не разговаривали, девочка была новенькой в этой школе и находилась в зоне отчуждения. Весь класс старался ее игнорировать, а она и не пыталась проникнуть в их сплоченное сообщество. Но этот мальчик ей казался особенным. Мысленно она наделила его всевозможными достоинствами: добротой, скромностью, благородством. Он был идеален во всех отношениях. Или ей так казалось.

Девочка накануне подбросила ему записку без подписи и теперь с внутренним трепетом вошла в класс. Он поднял голову и проводил ее глазами – он знал, что это была она. Словно неживая, девочка опустилась на свое место. А потом начался ад. По классу пошел гулять клочок бумаги, который читали с интересом, хихикали и переглядывались. Поначалу она ничего не замечала, но все больше лиц поворачивалось в ее сторону, и это было ново в ее отношениях с клас-

сом. Девочка закрыла глаза, чтобы не видеть эти ухмыляющиеся физиономии. Что-то легкое клюнуло ее в щеку. Бумажный самолет, сделанный из ее записки. Под словами, выведенными ее рукой, аккуратным ровным подчерком вилась одна фраза: «Ты себя в зеркало видела?»

И небо обрушилось на нее, потоки гнева и стыда наполнили каждый миллиметр ее души. Девочка смяла записку, но слова по-прежнему жгли ей глаза: в-и-д-е-л-а?

Как же она была слепа. Едва досидев до перемены, выскользнула из класса и помчалась к выходу, обгоняя насмешки и хохот. Нет, в школу она больше не вернется, хоть убейте. Ни за что.

Сколько времени она бродила по улицам, она не знала. Просто шла, куда несли ноги, почти не замечая окружающее, погруженная в свои мысли. Пока не осознала, что все еще сжимает злополучный клочок бумаги. Тогда она остановилась и спросила себя:

– И что мне теперь делать?

Но ответа у нее не было. Мир вокруг жил своей жизнью. Мимо по тротуару спешили люди, рядом по дороге проносились машины. И девочка внезапно поняла, что шагни она сейчас под колеса, никто даже не заметит, не остановится, словно она была невидимкой. Она повернулась к дороге и замерла, собираясь с духом.

Внезапно, над головой раздалось воронье карканье. Девочка подумала, что это знак судьбы и подняла голову в по-

пытке разглядеть вестника смерти. Каково же было ее разочарование, когда она увидела, что это две вороны на дереве пытаются отогнать наглого кота, подбирающегося к гнезду. Короткая схватка закончилась в пользу летающих, тогда как нелетающий тоже полетел, но недолго и строго вниз. Кот свалился на асфальт и остался лежать. Девочка видела, как опадает и поднимается его бок – значит, кот был жив и тяжело дышал, приходя в себя. На его счастье дорога опустела. Девочка передумала умирать, она машинально сунула записку в карман и во все глаза смотрела на рыжий холмик. Странное чувство охватило ее, нереальность происходящего озадачила и удивила. Она словно видела забытый сон или это было на самом деле и в другой жизни.

Она не могла сказать наверняка, но была абсолютно уверена, что должна следовать за этим котом. Он приведет ее... Куда она не знала, но это было невероятно важно. Вот только кот продолжал неподвижно лежать на дороге. И тут из-за угла показалась машина. Водитель прибавил газу и теперь мчался напрямиком на рыжего неудачника. Девочка напряглась, она должна попытаться спасти своего проводника. Наверняка, успеет, если не будет медлить. Рядом с ней остановилась тетка с большими сумками, чтобы передохнуть. Она подозрительно посмотрела на девочку и отвернулась.

Вера бросила портфель на тротуар и рванула вперед.